

КУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ КАК ОСНОВА ВХОЖДЕНИЯ В КУЛЬТУРУ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Е.Е. Тихомирова

(Новосибирский государственный педагогический университет)

В статье автор делает попытку обосновать актуальность культурологического и универалистского подхода при обучении русскому языку китайских студентов. Особое внимание при этом уделяется экспликации языковой культурной матрицы, в явном виде присутствующей во всех языках.

Ключевые слова: языковые универалии, культурные универалии, методика преподавания русского языка как иностранного, культурный концепт, аудиторная работа.

CULTURAL AND LINGUISTIC UNIVERSALS AS A BASIS OF ENTERING INTO THE CULTURE IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE

E.E. Tikhomirova

In the paper the author attempts to substantiate the relevance of culturological and universalist approach in teaching the Russian language of Chinese students. At that particular attention is paid to the explication of linguistic cultural matrix existing in an explicit form in all languages.

Key words: linguistic universals, cultural universals, methods of teaching the Russian language as a foreign language, cultural concept, classroom work.

Актуальность использования современных коммуникативных стратегий в пространстве российско-китайского межкультурного диалога обусловлена развитием коммуникативно-образовательного базиса гуманитарного пространства Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), формированием и структурированием его основных учебно-научных институтов и сферы межкультурного взаимодействия в рамках деятельности ШОС. В информационном обществе растут контакты, они становятся все более сложными и, несмотря на то, что есть различные тенденции в выстраивании взаимоотношений между Западом и Востоком, Россией и Востоком, нужно ориентироваться на развитие благоприятного климата, как политического, так и экономического и культурного. Кажется, что Китай изучен, но мы очень часто пользуемся стереотипами, в связи с этим встает проблема изучения глубинных смыслов, которые формируют модели поведения диалога, чтобы достичь коммуникативного понимания.

Вопрос соотношения человека и человека – носителя языка стал по-новому осмысливаться в современном гуманитарном знании. Возникло новое проблемное поле. Ряд деструктивных процессов привел к тому, что язык в меньшей степени стал выполнять свою культурную, нормирующую функцию – моделирования человеческого поведения. В связи с нарастанием индивидуализации, которая, впрочем является неизбежной в развитии общества, в языке возникают центробежные тенденции. Универсальные языковые компоненты

деформируются различными способами в речевых актах. При этом для всех языковых подсистем сквозной является семантика, она же есть связующий элемент между языком и культурой. Релевантность семантики не ограничивается лексической семантикой, но, вероятно, ни в какой другой области это не является столь ясным и очевидным [1, с. 14].

Именно семантика, смыслы должны отражать упорядочивание языковой сферы человеческой жизнедеятельности. Оно осуществляется через ряд взаимодействий. Содержание складывается, с одной стороны, в процессе человеческой жизнедеятельности, познания мира, его дифференциации (так как человек обладает сознанием), с другой стороны, в процессе обмена информацией между различными субъектами (поскольку человек – существо общественное). Кроме того, формирование семантики, языкового содержания, смыслов, связано как с механизмом индивидуального добывания информации, так и с фильтрацией индивидуального опыта. В практике формирования коллективного опыта последний фиксируется в языке, так как только общественное сознание может унифицировать значения, полученные из практической деятельности и общения. В производстве и обработке смыслов отражается диалектика индивидуального и общественно-го. В процессе обмена информацией между субъектами вырабатывается общее содержание. В результате формируются языковые модели, в которых воплощается общечеловеческое содержание и возможность использования этих моделей последующими поколениями.

Сама языковая система, видимо, была заложена априори. В ней выражается взаимоотношение человека с миром. Для выживания человеку необходимо адекватно воспринимать его. Адекватность же, в свою очередь, заключается в целостности этого восприятия, выявлении границ от и до, что и составляет бинарную оппозицию. За счет деятельности сознания происходит движение от синкретичности к дифференциации смысловой бинарности: субъект – объект, субъект – действие и т.д., что и составляет стержень взаимоотношений человека и мира. Очевидно, что эти дифференциации имеют принципиальный культурный смысл, так как культура по своей сути и есть деятельность человека по освоению мира. Дальнейшая категоризация мира нанизывается на стержень бинарных оппозиций,

развитие мыслительных категорий завершается путем поляризации [3, с.18]. Но диалектика это противоречивость взаимодействий. Противоречивость производства смыслов связана с наиболее важными функциями языка: познавательной и коммуникативной, что выражается в оппозициях: 1) язык и концепт (как общее и индивидуальное представление о мире); 2) язык и речь (как вербальное выражение общего и индивидуального представления о мире). Установленная в научной литературе оппозиция «язык – концепт» отражает представление лингвистов, психолингвистов о том, что опыт, знания о мире фиксируются в концептах, а потом кодируются в языке. Е.С. Кубряковой установлена связь сенсорно-перцептивных процессов (осознания человеком себя как части целого, мира) с языковыми категориями, в основе которых лежит наглядный, телесный опыт, упакованный по принципу контейнера [5]. Названные выше противоречия связаны с самим языком, обстоятельствами его формирования и использования. Способ разрешения этого противоречия заключен в системности языка. Наличие семантического стержня, на котором держится вся языковая система, является нормой функционирования языка как инструмента биологического, социального и культурного выживания человека.

Многие концепты находятся на периферии языкового сознания даже на уровне обыденного понимания и весьма размыты. Очевидна необходимость актуализации концептов, что, с нашей точки зрения, возможно сделать средствами самого языка, его универсальных структур, над которыми надстраиваются универсалии культуры. При нашем подходе языковые и культурные универсалии «...предстают как одно из условий возможности взаимодействия партикулярных культур и цивилизаций, диалога между ними, достижения взаимопонимания, перевода смыслов с одного языка на другой, диффузии культурных инноваций. ...Можно сказать, что универсалии играют роль узловых точек в сети коммуникаций, реперов в коммуникативном поле. Эти нормы трансцендентальны по своей сути и носят характер запретов, имеющих регулятивный, а не конститутивный характер. Среди этих регулятивных норм – принципы толерантности, исходящие из сосуществования и коэволюции различных культурных групп и социальных сообществ, из сотрудничества суверенных

культур и цивилизаций» [6, с. 971]. Конечно, говоря о курсе русского языка как иностранного, мы можем и должны обращаться к образцовым текстам, вошедшим в сокровищницу мировой культуры и весьма актуально звучащим сегодня.

Среди категорий, с помощью которых язык систематизирует мир, можно выделить универсальные и уникальные. Проблема существования всеобщей универсальной базы, характерной для всех культур, находится в центре современных научных исследований в области языка и культуры.

Система категорий, лежащая в основании культуры, выступает в качестве ее фундаментальных мировоззренческих структур. Она выражает свойственные данной культуре наиболее общие представления об основных компонентах и сторонах человеческой жизнедеятельности: о месте человека в мире, о социальных отношениях, духовной жизни и ценностях человеческого мира, о природе и организации ее объектов и т.д.

Если принять точку зрения, что универсалии существуют, тогда можно говорить о переводимости с языка на язык и, возможно, с культуры на культуру как возможности передавать сообщение в условиях коммуникации с использованием двух языков.

Исследования в области семантики языка привели к поискам семантических «примитивов» (универсалий, концептов) различных языков. Конечно, у многих остаются сомнения в том, можно ли с помощью лингвистики и лингвистической философии выявить фундаментальные структуры языка, а тем более всей культуры. Более того, возрождаются идеи непереводаемости языков и их несравнимости [2]. Рассмотрение проблемы универсалий в рамках китайской культуры является достаточно спорным. Мнения ученых расходятся – от полного отрицания каких бы то ни было универсалий в китайской культуре до наделения их рациональным и конкретно-научным содержанием. Неоднозначность трактовок по этому вопросу является мощным стимулом к новым исследованиям в области языка, культуры и философии Китая. Так, А.И. Кобзев и А.М. Карапетьянц, составляя список основных категорий традиционной китайской культуры, выделяют категории, которые существуют и в других культурах и, возможно, являются универсальными

ми: верх–низ (上–下), левый–правый (左–右), начало–конец (本–末), наличие–отсутствие (有–无), часть–целое (分–合), порядок–хаос (治–乱), различие–подобие (异–同), причина–следствие (因–果).

В качестве рабочего определения универсалии (категории) традиционной китайской культуры А.И. Кобзев предлагает следующее: «...таковой является наиболее общее (в терминологии моистов: "все-проникающее") понятие, имеющее однозначный иероглифический эквивалент, находящееся в системной (классификационной) связи с понятиями, традиционно считающимися основными в китайской философии, и обладающее символическими коррелятами на всех уровнях духовной и культурной деятельности, т.е. в науке, искусстве, обыденном сознании, традиционных формах быта и т.д.» [4, с. 228]. Имеет смысл подчеркнуть важность такого признака, как наличие однозначного иероглифического эквивалента. Если очень постараться, то, наверное, можно найти у какого-нибудь китайского философа, например, понятие материи, но абсолютно невозможно найти в традиционной китайской философии термин, который бы означал именно материю как таковую, т.е. материю вообще и ничто другое. Такого термина в ней нет. Поэтому понятие материи, если согласиться с предложенным определением, не может квалифицироваться ни как категория традиционной китайской философии, ни как категория традиционной китайской культуры.

Составляя список основных понятий китайской философской традиции, можно ставить перед собой различные задачи. Можно исходить из презумпции единого общечеловеческого набора категорий, считая их априорными характеристиками или объекта (подобно Аристотелю), или субъекта (подобно Канту). Можно, напротив, пошпенглеровски стремиться к отысканию в китайской культуре вообще и философии в частности чего-то специфически неевропейского и даже антиевропейского. Ни в том, ни в другом подходе нет ничего противостественного, они лишь отражают различные задачи и, соответственно, используют различные языки описания. Оба подхода имеют свои логические основания и в той или иной мере реализовались в определенных исторических ситуациях.

В этот список могут входить понятия, которые характерны и для западной культуры и которые понятны и известны. В то же время здесь могут фигурировать категории, не имеющие аналогов в запад-

ной философской традиции. В качестве таковых китайские историки философии в первую очередь называют дао («путь»), ци («пневма»), шэнь («дух»), чэн («подлинность»).

Ядром так оцениваемого множества философских категорий, начиная с которого имеет смысл устанавливать более сложные структурные (логические и семантические) связи между понятиями, как это делают Чжан Дайнянь, Тан Ицзе, Гэ Жунцзин и особенно Чжан Ливэнь, можно считать пять фундаментальных понятий, отраженных во всех обследованных наборах. Это – дао («путь»), тянь («небо»), жэнь («гуманность»), ли («принцип»), ци («пневма») [4, с. 242]. Есть полное основание видеть в них также категориальное ядро всей китайской культуры, которое количественно соответствует таким основополагающим классификационным схемам, как пять элементов (у син).

У-син (五行, пять элементов, пять стихий, пять действий, пять столбцов) – одна из основных категорий китайской философии; пятичленная структура, определяющая основные параметры мироздания. Помимо философии, широко используется в традиционной китайской медицине, гадательной практике, боевых искусствах, нумерологии.

Включает в себя пять классов (дерево, огонь, земля, металл, вода), характеризующих состояние и взаимосвязь всех существующих предметов и явлений. Последовательность стихий определена в каноне «Шу цзин», главе «Хун фань».

Пяти элементам присущи два основных циклических взаимодействия: взаимопорождение и взаимопреодоление.

Взаимопорождение состоит в следующем: дерево порождает огонь, огонь порождает землю, земля порождает металл, металл порождает воду, вода порождает дерево.

Взаимопреодоление состоит в следующем: дерево побеждает землю, земля побеждает воду, вода побеждает огонь, огонь побеждает металл, металл побеждает дерево.

Ци (气) – пневма, эфир, атмосфера, газ, воздух, дыхание, дух, нрав, темперамент, энергия, жизненная сила, материя. Выражает идею континуальной, динамической, пространственно-временной, духовно-материальной и витально-энергетической субстанции. Этимологическое значение – «пар над варящимся [жертвенным] рисом».

Стандартную терминологическую оппозицию ци составляет ли («принцип»). Предельно общее понятие ци конкретизируется на трех главных смысловых уровнях: космологическом, антропологическом и психологическом. В первом случае ци – универсальная субстанция Вселенной; во втором – связанный с кровообращением наполнитель человеческого тела (аналог «жизненных» или «животных духов» европейской философии), способный утончаться до состояний «смени/духа» (цзин) и «духа/божества» (шэнь); в третьем – проявление психического центра, «сердца» (синь), управляемое волей (чжи) и управляющее чувствами (цин). Общепризнанным в китайской философии было представление о ци как бескачественном первовеществе, из которого состояла Вселенная в исходной фазе своего развития, называемой «Великим пределом» (тай ци).

Ли (理) – принцип, закон, правило, атрибут, основание, порядок, мотив, резон, теория, истина, правда, идеал, разум, ноумен. Этимологически восходит к обозначению разметки и размежевания полей (правая часть иероглифа состоит из знаков «поле» и «почва») или прожилок на яшме, пучков волокон растений («узорной фактуры») и процедуры обработки драгоценных камней (левая часть – ключ «нефрит»). Исходные значения иероглифа ли обусловили его терминологический смысл: упорядочивающее, структурирующее и индивидуализирующее начало, атрибут, неотъемлемое свойство, присущее отдельной вещи и всему сущему, в том числе явлениям духовной жизни.

Как философской категории ли с самого начала были присущи три основных смысла: физический, метафизический и антропологический. В физическом смысле ли – это внешние чувственные свойства вещей, определяющие их «[телесные] формы» (син), чему в современном языке соответствует термин у-ли-сюэ – «физика» (букв. «учение о принципах вещей»). В метафизическом смысле ли – это внутреннее «незримое» устройство предметов и явлений, соответствующее дао и делающее их познаваемыми. Поскольку дао субъект-объектно, его модусу ли присущ и антропологический смысл – фундаментальная трансперсональная характеристика человеческого «сердца», т.е. психики (синь), скоординированная с «должной справедливостью» (и). Как фактор познания ли перестает быть чувственным атрибутом мира вещей и, напротив, становится оппозиционным

всякой чувственности. Представителем антропологического смысла ли в современном языке выступает термин синь-ли-сюэ – «психология» (букв. «учение о принципах сердца»).

Жэнь (仁) – гуманность, человечность, истинно-человеческое (начало), человеколюбие, милосердие, беспристрастность, доброта – категория, совмещающая три главных смысловых аспекта: 1) морально-психологический – «[родственная] любовь/жалость к людям» (ай жэнь), стоящая в одном ряду с «должной справедливостью» (и), ритуальной «благопристойностью» (ли), «разумностью» (чжи), «благонадежностью» (синь); 2) социально-этический – совокупность всех видов правильного отношения к другому человеку и обществу; 3) этико-метафизический – «приязнь к вещам» (ай у), т.е. симпатически-интегративная взаимосвязь отдельной личности со всем сущим, включая неодушевленные предметы.

Этимологическое значение жэнь – «человек и человек» или «человек среди людей». Хотя иероглиф жэнь в значении «доброта правителя к подданным» присутствует в современных текстах канонизированной конфуцианцами доконфуцианской классики («Шу цзин», «Шицзин»), возможно, он был не только терминологизирован, но и искусственно создан Конфуцием, а затем включен в указанные тексты.

Дэ (德) – благодать, добродетель, качество, дарование, достоинство, достояние, доблесть, моральная сила, закономерность, потенция, способность, энергия, сила, манифестация дао. В самом общем смысле означает основное качество, обуславливающее наилучший способ существования каждого отдельного существа или вещи, т.е. индивидуальную «благодать», поэтому часто определяется посредством омонима дэ – «достижение». Поскольку специфику человека китайские мыслители конфуцианского толка обычно усматривали в способности придерживаться «должной справедливости» (и) и «благопристойности/этикета/ритуала» (ли), его дэ в основном понималось как «добродетель», хотя могло означать чисто телесные достоинства. Будучи индивидуальным качеством, дэ относительно (в отличие от всеобщего и потому абсолютного дао), поэтому «благодать» для одних может негативно оцениваться другими. Дэ – собирательный образ всего множества разнонаправленных сил, способных

приходить в столкновение друг с другом, поэтому гармонирующая их универсальная «благодать» часто выделяется посредством специальных эпитетов: «предельная» (чжи), «великая» (да), «таинственная» (сюань), «сиятельная» (мин) и т.п. То, что для конкретного индивида является его «частной» или «отдельной благодатью» (сы, ли дэ), например незаконное обогащение, с точки зрения «общей благодати» (туи дэ) оценивается как «нечестивая» (сюи), «темная» (хунь), «развратная» (цзянь) или «плохая благодать» (э дэ) (см., например, «Цзо чжуань»). Как «внутреннее», органичное и естественное качество, дэ составляет основную оппозицию с «внешней» физической силой, насилием (ли), наказаниями (син) и законом (фа).

Дао (道) – путь (подход, график, функция, метод, закономерность, принцип, класс, учение, теория, правда, мораль, абсолют). Этимологически восходит к идее главенства (шоу) в «движении/поведении» (син). Ближайшие коррелятивные категории – дэ («благодать») и ци («орудие»). В современном языке бином дао-дэ означает мораль, нравственность. Термином дао передавались буддийские понятия «марга» и «патха», выражающие идею пути и способа, прежде всего четвертый «благородной истины» и «восьмеричного пути», а также «бодхи» («просветление», «пробуждение»). В различных философских системах дао определялось по-разному, поэтому Хань Юй (VIII–IX вв.) назвал его, как и дэ, «пустой позицией» (сюй вэй), не имеющей точно фиксированного смысла.

В «Шу цзине» термин дао имеет абстрактные значения – «поведение», «продвижение», «путь государя и Неба» – и соотнесен с дэ, также обозначающим абстрактные понятия социальной и космической гармонии (гл. 3, 36, 44). С возникновения китайской философии центральным для нее стал вопрос о соотношении «человеческого» и «небесного», т.е. общеприродного, дао. (В узком смысле «небесное дао» означало ход времени или движение звезд с запада на восток в противоположность движению солнца с востока на запад.) Уже в «Ши цзине» намечилось сближение понятий дао и «предел» (цзи).

Конфуций (VI–V вв. до н.э.) сосредоточился на «человеческих» ипостасях дао и дэ, которые взаимосвязаны, но могут проявляться и независимо друг от друга. Он конкретизировал дао в различных наборах этизированных понятий: «сыновняя почтительность» (сяо)

и «братская любовь» (ти), «верность» (чжун) и «великодушие» (шу), т.е. «золотое правило» морали, «гуманность» (жэнь), «знание» (чжи) и «мужество» (юн) и т.п.

На данный момент в ориенталистике существует несколько мнений по вопросу существования универсалий в китайской культуре. Накамура Хадзими не признает наличие в китайской культуре универсалий, которые характерны для европейских стран. Отечественные синологи, главным образом Т.П. Григорьева, Е.В. Завадская и В.В. Малявин, полагают, что категории традиционной китайской философии – это квазипонятия, метафоры. Альтернативного подхода придерживается А.И. Кобзев, считая, что в китайской культуре есть универсалии, но они являются символами, допускающими различные уровни интерпретации.

Вопрос о вхождении того или иного иероглифа в список основных категорий китайской культуры также пока еще остается спорным. Существует несколько списков базовых категорий, различающихся как количеством элементов в них (их число колеблется от 60 до 140), так и составом. Однако понятия, составляющие основу этих списков, остаются неизменными, что позволяет говорить о выделенности фундаментальных категорий китайской культуры: дао («путь»), дэ («благодать»), жэнь («гуманность»), ли («принцип»), ци («энергия»).

Но при выделении универсалий китайской культуры необходимо учитывать специфику китайского языка, полисемантизм иероглифической знаковой системы и возможность нескольких уровней интерпретации. Также следует отметить, что основные категории китайской культуры большей частью являются основными категориями китайской философии, что значительно затрудняет процесс интерпретации и адекватного их понимания. Для выстраивания интерактивных отношений необходимо учитывать и категорию у-вэй. У-вэй – «созерцательная пассивность». Это слово часто переводится как «недеяние», хотя более правильным вариантом было бы «немотивированность». Самым главным качеством «недеяния» является отсутствие причин для действий. Согласно Лао-Цзы, «если кто-нибудь хочет овладеть миром и манипулирует им, того постигнет неудача. Ибо мир – священный сосуд, которым нельзя манипули-

ровать». С этим связан поведенческий принцип, согласно которому мудрый человек поступает исключительно сообразно с природой. Не следует противопоставлять собственную активность космическому порядку и космическим силам. Поэтому в большинстве своем китайцы аскетичны и чужды избыточным земным благам. Исторически основные принципы первых даосских мыслителей «естественность (цзы жань)» и «недеяние (у вэй)» знаменовали собой отказ от нарочитой, искусственной, преобразующей природу деятельности и стремление к спонтанному следованию природному естеству вплоть до полного слияния с ним в виде самоотождествления с господствующим в мире беспредпосылочным и нецеленаправленным путем – дао: «Небо длительно, земля долговечна. Небо и земля длительны и долговечны благодаря тому, что они живут не собой, а потому способны жить долго. На этом основании совершенно мудрый человек отставляет назад свою личность, а сам первенствует; отбрасывает прочь свою личность, а сам сохраняется» (Дао дэ цзин).

Формируемая модель поведения, основанная на древнейших концептах китайской культуры иногда осложняет эффективное обучение языку и вхождение в иную культуру. Китайские студенты зачастую, встретив проблему на своем пути в виде коммуникативной неудачи или другой проблемы в межкультурных взаимодействиях, не станут упорствовать ради разрешения сложившейся проблемы, а лишь не будут противопоставлять свою активность, будут плыть по течению. Причем это можно истолковать не как пассивность, а именно как целенаправленную деятельность согласно природе вещей. Они действуют в соответствии с двумя принципами: ни одно действие не должно быть потрачено даром; не следует делать ничего, что не соответствовало бы законам природы. У-вэй позволяет беспристрастно смотреть на вещи, это искусство быть самим собой, навык естественного поведения и уверенности в своих силах. Однако в новых ситуациях межкультурных контактов подобные мировоззренческие установки могут привести к таким поведенческим реакциям, как пассивность, безмолвное несогласие с предлагаемыми ситуациями и неуспешному коммуникативному акту в самом широком смысле.

Доминирующие социальные установки, обусловленные культурной спецификой (послушание, подчинение авторитетам, прилежание, управляемость, чего иногда категорически не хватает современным русским студентам) иногда в зависимости от личностных характеристик студента могут входить в противоречие с вызовы времени и ориентирами современного качества образования (инициативность, склонность к лидерству, способность самостоятельно анализировать информацию, определять проблемы, делать адекватный выбор, принимать ответственные решения, стремление учиться на протяжении жизни, умение работать в команде).

Поэтому обучение русскому языку может основываться на следующих положениях:

- Мотивационно-творческая активность личности:

- Мотивы:

- а) познавательные: устойчивая ориентация на усвоение способов добывания знаний, приемов самостоятельного приобретения;

- б) социальные: долг и ответственность, понимание личной и социальной значимости учебно-творческой деятельности.

- Цели: сознательная постановка гибких, перспективных и поэтапных, реалистичных целей; соотношение целей и результатов; коррекция цели на основе обратной связи; самостоятельная постановка нестереотипичных задач; поиск и овладение новыми знаниями; соотношение внутренней самооценки и оценки учителя; умение различать свои способности в целом и усилия в данном задании.

- Умственное развитие:

- Знания: ориентация на частично-поисковый (эвристический) уровень усвоения с элементами творческого уровня усвоения знаний.

- Учебно-творческая деятельность: интенсивное овладение целостным строением учебно-творческой деятельности, способами самостоятельного перехода от одного звена учебно-творческой деятельности к другому.

- Нравственно-эстетическое развитие:

- ориентация на подражание установленным образцов, норм, правил;

- личностная идентификация;

- упечение самоуважения и достоинства;

– способность осознавать выбор, принимать оптимальные решения, нести персональную ответственность;

– способность достигать гармонии, простоты и красоты отношений в процессе коллективной учебно-творческой деятельности.

• Коммуникативное развитие:

– способность отстаивать свою точку зрения и убеждать других в процессе творческой дискуссии;

– способность организовывать коллективную учебно-творческую деятельность;

– способность ориентироваться в жизненных ситуациях.

Именно такой подход позволяет эффективно осмысливать культуру как таковую: системному мышлению и повышению; вступать в диалог с культурами, (раз)отделенными во времени и пространстве; мыслить и осознать себя во все расширяющемся гипертексте современной культуры, имея ввиду предыдущие ценности, смыслы, именно они пробуждают мысль, создают новый творческий опыт.

Преподавание русского языка и русской культуры с универсалистской точки зрения имеет не только теоретическое, но и практическое значение: способствует формированию абстрактного мышления, способности систематизировать и моделировать материал, создает прочную лингвистическую основу для изучения других языков, дает представление о месте русского языка в системе индоевропейских. Параллельное сопоставление грамматических курсов русского и новых европейских языков способствует усвоению материала, его систематизации, развивает навыки самостоятельной работы с текстом, словарем, справочными материалами, стимулирует развитие памяти, мыслительных способностей и интеллекта студента. Этот предмет имеет воспитательное значение – развитие целеустремленности, настойчивости в преодолении трудностей, воспитание усидчивости, аккуратности и последовательности в достижении поставленной цели. Стремление уважительно относиться к ценностям русского языка и русской культуры в системе общемировых универсалий, включаясь в «диалог культур», относясь к «другому» как к «другу», «равному» в условиях изменения характера международных и межнациональных связей нашего государства.

Библиографический список

1. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. – 288 с.
2. *Вежбицкая А.А.* Семантические универсалии и «примитивное мышление» // Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 291–325.
3. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1996.
4. *Кобзев А. И.* О категориях традиционной китайской философии // Народы Азии и Африки. – 1984. – № 4.
5. *Кубрякова Е.С.* Семантика в когнитивной лингвистике (О концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – С. 129–154.
6. *Неретина С., Огурцов А.* Пути к универсалиям. – СПб.: РХГА, 2006.